O.V.K — X.T.R

ЗНАК

ЗНАК, ЗНАЧЕНИЕ И КОД

НЕЧТО, СТОЯЩЕЕ ВМЕСТО ДРУГОГО

✶

O.V.K — X.T.R

ЗНАК

ЗНАК, ЗНАЧЕНИЕ И КОД

Книга о том, как одно стоит вместо другого:
от Августина и стоиков к Соссюру, Пирсу и Лотману,
о треугольнике знака, коде, контексте и чтении чрезмерном

✸

НАСТОЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

«Знак есть нечто, что стоит для кого-то вместо чего-то в некотором отношении».

— Чарльз Пирс

✶

Книга писана для того, кто ставит знаки,
и для того, кто их читает.
Устройство изложено как устройство,
границы — как границы,
и ничто не выдаётся за закон природы.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ОСНОВАНИЯ

I. Что такое знак 2
II. Слово и его происхождение 3
III. Три основания 4
IV. Стоики и Августин 5
V. Соссюр 6
VI. Пирс 7
VII. Русская линия 8
VIII. Чем знак не является 9

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. УСТРОЙСТВО

IX. Три стороны знака 11
X. Икона, индекс, символ 12
XI. Произвольность 13
XII. Система и различие 14
XIII. Код 15
XIV. Значение и смысл 16
XV. Контекст 17
XVI. Шесть работ сообщения 18

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ВИДЫ

XVII. Слово 20
XVIII. Письмо 21
XIX. Цифра 22
XX. Изображение 23
XXI. Вещь и жест 24
XXII. Знак на улице 25
XXIII. Марка 26
XXIV. Печать, герб, знамя 27

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ. ПРОТИВНИК

XXV. Карта и территория 29
XXVI. Знак без кода 30
XXVII. Многозначность 31
XXVIII. Подмена знака 32
XXIX. Знак, ставший вещью 33
XXX. Пустой знак 34
XXXI. Чужой код 35
XXXII. Чрезмерное чтение 36

ЧАСТЬ ПЯТАЯ. ГРАНИЦА

XXXIII. Чего наука о знаке не может 38
XXXIV. Мнимые учения 39
XXXV. Знак и правда 40
XXXVI. Упражнения 41
XXXVII. Гигиена читающего знаки 42
XXXVIII. Правила ставящего знак 43
XXXIX. Правила читающего знак 44
XL. Заключение: знак и мера 45

✶

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

✶

ОСНОВАНИЯ

Откуда пошла наука о знаке, что в ней от стоиков,
что от Соссюра и что от Пирса,
и отчего знак значит не сам по себе, а в системе

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Что такое знак

✸

Знаком зовётся нечто, стоящее вместо другого для кого-то; и три слова в этом определении — нечто, другое, кто-то — суть три стороны, без любой из которых знака нет.

Определение отделяет знак от двух соседей. От *вещи* — ибо вещь есть она сама, а знак есть она вместо другого: дым есть дым, и дым есть знак огня для того, кто знает. От *причины* — ибо причина производит следствие, а знак лишь указывает на него тому, кто умеет читать; дым не производит мысли об огне, он её вызывает у знающего.

Книга эта связывает три другие: о тайнописи, где знак скрывают; об имени, где знак называет; о герменевтике, где знак толкуют. Здесь — то общее, что делает возможным все три: устройство знака как такового.

Различим три вещи, кои в обиходе смешивают. **Означающее** — то, что воспринимают: звук, буква, рисунок, жест. **Означаемое** — то, что при этом мыслят: понятие. **Вещь** — то, к чему относится и то и другое, и что может отсутствовать вовсе: единорог есть знак без вещи, и он работает. Треугольник этот — предмет главы девятой.

Оттого части книги таковы: вторая — устройство: стороны знака, его виды, произвольность, система, код, контекст; третья — виды знаков от слова до знамени; четвёртая — ошибки и обманы знаком; пятая — границы, мнимые учения и правила для ставящего и читающего.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Слово и его происхождение

✸

Русское «знак» родственно «знать»: знак есть то, по чему знают. Тот же корень в «знамени» и «знамении» — знак войска и знак свыше.

Латинское signum — метка, знамя, печать; отсюда «сигнал», «сигнатура», «дизайн» — буквально «обозначение». Греческое «сема» — знак, метка, могильный камень; отсюда «семантика» — наука о значении, и «семиотика» — наука о знаках. Слово последнее взято у врачей: семиотикой звалось учение о признаках болезни, и врач был первым читателем знаков, о чём глава четвёртая.

Различим слова. *Знак* — нечто вместо другого. *Признак* — знак, не поставленный нарочно: дым, след, мозоль; о нём книга о наблюдении. *Символ* — знак условный, по уговору; в ином употреблении — знак, значащий больше, чем сказано; о нём отдельная книга. *Код* — правило соответствия знаков и значений; от латинского «книга», «свод». *Значение* — то, что знак значит по коду; *смысл* — то, что он значит здесь и сейчас; о различии глава четырнадцатая.

«Семиотика» и **«семиология»** суть два имени одной науки: первое от Пирса и врачей, второе от Соссюра; ныне употребляют первое.

Заметим наперёд, что в этой книге *знак* означает устройство, а не тайну: устроен и дорожный знак, и знак алхимика, и читаются оба по своему коду, а не по наитию.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Три основания

✸

Всё дальнейшее стоит на трёх положениях, и они же отделяют науку о знаке от словарей значений.

Первое: знак условен, но не произволен для говорящего. Связь между звуком «дерево» и деревом не от природы — в другом языке иной звук; но говорящий не властен её переменить: она установлена всеми и держится всеми. Знак есть уговор, которого никто не заключал и который никто не может расторгнуть. Об этом глава одиннадцатая.

Второе: знак значит в системе. Красный светофора значит «стой» лишь потому, что есть зелёный; слово значит тем, чем отличается от соседних. Знак вне системы не значит ничего, и словарь, выписывающий знаки поодиночке, есть перечень, а не наука. Глава двенадцатая.

Третье: значение — в употреблении, а не в вещи. Знак не содержит значения, как сундук — вещи; он получает его от того, кто читает по коду в обстановке. Один и тот же знак — крест, кольцо, красный цвет — значит разное в разных кодах, и ни одно из значений не «настоящее».

Из трёх положений выводится и устройство второй части, и главная ошибка, разобранная в главе тридцать четвёртой: искать «истинное значение» знака помимо кода и обстановки.

И заметим родство с книгой о мере: знак есть мера с условной единицей, и, как мера, он не значит ничего без образца — кода, — с которым его сверяют.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Стоики и Августин

✸

Первое учение о знаке принадлежит стоикам, второе — Августину; и оба они разобрали знак точнее, чем многие после.

Стоики в третьем веке до нашей эры различили три вещи: *означающее* — звук; *означаемое* — «лектон», сказанное, то, что понимает слушающий; и *вещь*, о которой речь. Означаемое, говорили они, бестелесно: оно не звук и не вещь, а то, что между. Треугольник знака, к которому вернулись через две тысячи лет, был построен ими.

Врачи той же эпохи звали семиотикой учение о признаках: пульс, цвет, дыхание суть знаки болезни, и врач читает их, как читают письмо. Гален разделил признаки на те, что говорят о прошлом, настоящем и будущем болезни. Об этом чтении — книга о наблюдении.

Августин в трактате «О христианском учении» около 397 года дал определение, продержавшееся тысячу лет: знак есть вещь, которая, помимо своего вида, воспринимаемого чувствами, приводит на ум нечто иное. Он разделил знаки на природные — дым, след, — и данные — слова, жесты, установленные ради сообщения; и первым сказал, что слова суть знаки по преимуществу, ибо все прочие знаки можно выразить словами, а слова — ничем иным.

Чему это учит: треугольник, различие природного и условного, первенство слова — всё это найдено в древности, и наука нового времени лишь вернулась к найденному с новыми именами.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Соссюр

✸

Фердинанд де Соссюр читал курс в Женеве, не написал книги, и ученики издали её по конспектам в 1916 году; с неё началась наука о знаке в нынешнем виде.

Две стороны. Знак есть единство означающего — звукового образа — и означаемого — понятия; они неразделимы, как две стороны листа. Вещи в его треугольнике нет: язык, говорил он, есть система понятий, а не имён для вещей.

Произвольность. Связь означающего с означаемым не мотивирована ничем: «бык» и «boeuf» значат одно; и потому знак нельзя переменить по воле, ибо его держит не природа, а согласие всех. Об этом глава одиннадцатая.

Различие. В языке нет положительных величин — есть только различия: знак значит тем, чем он не есть другие знаки. Звук «б» значит лишь потому, что не «п». Глава двенадцатая.

Язык и речь. Язык есть система, общая всем; речь — её употребление одним. Наука изучает систему; отдельное высказывание есть лишь случай.

Чему это учит. Знак не имеет «собственного» значения — он имеет место в системе; и оттого читать знак значит знать систему, а не знак. На этом стоят все чтения, о которых третья часть, и все ошибки, о которых четвёртая.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Пирс

✸

Чарльз Пирс, американский логик, работал в те же годы, что Соссюр, не зная о нём, и построил науку о знаке иначе — шире и с третьей стороной.

Три стороны. Знак — репрезентамен; то, что он представляет, — объект; и то, что он производит в уме читающего, — интерпретант. Третья сторона есть новое: знак значит не сам, а через толкование, и толкование есть новый знак, требующий толкования, — так без конца. Процесс этот Пирс назвал семиозисом.

Три вида по отношению знака к объекту. *Икона* — похожа: портрет, карта, звукоподражание. *Индекс* — связана причинно или смежно: дым, след, флюгер, указательный палец. *Символ* — связана уговором: слово, герб, цифра. Об этом глава десятая; это самое употребительное деление в науке.

Знак повсюду. У Соссюра знак есть прежде всего слово; у Пирса — всё, что для кого-то значит: пульс для врача, след для охотника, цвет для химика. Он вернул в науку семиотику врачей.

Чему это учит. Соссюр дал систему; Пирс дал толкование и виды. Читающий знак пользуется обоими: спрашивает, какого вида знак и в какой системе, и помнит, что всякое прочтение есть новый знак, который прочтут дальше. Об этой цепи — книга о герменевтике.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Русская линия

✸

У нас наука о знаке шла от слова к культуре, и школа, сложившаяся в Тарту, читалась всем миром.

Потебня в девятнадцатом веке разобрал внутреннюю форму слова: «окно» несёт «око», «медведь» — «ведающего мёд»; знак хранит след своего рождения, и след этот стёрт у одних слов и жив у других. Об имени и его внутренней форме — отдельная книга.

Волошинов в 1929 году, в книге «Марксизм и философия языка», показал, что знак не нейтрален: в нём всегда чей-то голос, и всякое слово есть арена. Означаемое зависит от того, кто говорит и кому.

Якобсен — Роман Якобсон, работавший в Праге и Америке, — разобрал сообщение по шести работам, о чём глава шестнадцатая; и показал, что поэзия есть речь, обращённая на свой знак.

Лотман и Тартуская школа с шестидесятых годов читали как знаковые системы всё — икону, усадьбу, дуэль, бытовое поведение дворянина; и ввели семиосферу — пространство, вне которого знак не значит, как вне биосферы нет жизни.

Флоренский об иконе и обратной перспективе — о том, что изображение есть знак по своему коду, а не по коду фотографии.

Урок линии: знак читается в культуре, и культура есть система знаков; это положено в основу третьей части.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Чем знак не является

✸

Отсечём лишнее, ибо о знаках говорят охотнее, чем читают их.

Знак не есть вещь. Карта не территория, слово «хлеб» не кормит; смешение их есть ошибка первая и древняя, о которой глава двадцать пятая.

Он не имеет собственного значения. Значение даёт код и обстановка; словарь, выписывающий «крест означает веру», выписывает один код из десятка.

Он не тайна. Всякий знак читается по коду, и код либо известен, либо восстанавливается; о тайнописи — отдельная книга, и там же о том, что скрытое не есть значащее больше.

Он не причина. Знак не действует сам; действует читающий, прочитав. Учение о знаках, действующих помимо чтения, разобрано в главе тридцать четвёртой.

Он не только слово. Пульс, след, флюгер, герб, монета, жест суть знаки; наука о них шире языка.

И он не безразличен к правде. Знак может лгать; и это, по слову Эко, единственное его свойство, которого нет у вещи. О нём глава тридцать пятая.

Что же он есть? *Нечто, стоящее вместо другого для кого-то — по коду, в системе, в обстановке*; и всякое чтение знака есть ответ на три вопроса: по какому коду, в какой системе, при каких обстоятельствах.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

✶

УСТРОЙСТВО

Три стороны знака и три его вида, произвольность,
система и различие, код, значение и смысл,
контекст и шесть работ сообщения

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Три стороны знака

✸

Треугольник знака, построенный стоиками и перерисованный Огденом и Ричардсом в 1923 году, есть первое, что надлежит держать в уме, читая что бы то ни было.

Знак — то, что воспринимают: звук, буква, рисунок. **Понятие** — то, что при этом мыслят. **Вещь** — то, к чему относится понятие. Стороны треугольника: знак вызывает понятие; понятие относится к вещи; между знаком и вещью связи нет — линия пунктирная. Слово «собака» не кусает.

Отчего это важно. Половина споров суть споры о словах при согласии о вещах: спорящие держат разные понятия за одним знаком. И половина обманов суть подмена по пунктирной линии: знак предъявлен, вещи нет; о пустом знаке глава тридцатая.

Пирс добавил, что понятие есть толкование, и толкование рождает новый знак; треугольник живёт цепью, о чём глава шестая.

Правило: *прочитав знак, назови понятие и спроси, есть ли вещь*; на второй половине вопроса ловятся единорог, пустая марка и ложный чин.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Икона, индекс, символ

✸

Три вида знака по Пирсу различаются тем, чем знак связан с вещью; и от вида зависит, как знак читают и как его подделывают.

Икона связана сходством: портрет похож на лицо, карта — на местность, звукоподражание — на звук, пиктограмма человечка — на человека. Читается без кода, всяким, кто видел вещь; и подделывается легко — довольно нарисовать похожее.

Индекс связан причиной или смежностью: дым — огнём, след — ногой, флюгер — ветром, пульс — сердцем, фотография — светом от предмета. Читается по знанию причин; не лжёт, покуда причина действует; и подделывается трудно — надо подделать причину. Оттого индексы — главные свидетели, о чём книга о наблюдении, и оттого подделка фотографии есть подделка индекса, о чём глава двадцать восьмая.

Символ связан уговором: слово, цифра, герб, дорожный знак, обручальное кольцо. Читается только по коду; вне кода не значит ничего; и подделывается проще всего — ибо связь с вещью условна.

Смешанные. Большинство знаков суть все три: дорожный знак с рисунком оленя — икона оленя, символ предупреждения, индекс места, где олени ходят. Фотография в паспорте — икона лица и индекс света, скреплённая символом печати.

Правило: *прежде чтения спроси, чем знак связан с вещью: сходством, причиной или уговором*; сходству верят глазом, причине — знанием, уговору — кодом.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Произвольность

✸

Связь звука со значением не от природы, но и не по чьей-то воле: она произвольна для языка и непроизвольна для говорящего; в этом узле — вся природа знака.

Соссюр: ничто в звуке «сестра» не связано с сестрой; в другом языке иной звук. Знак есть уговор. Но уговор этот не заключал никто, и никто не может его расторгнуть: сказавший «сестра» о столе не будет понят. Знак держится всеми и не подвластен одному.

Мотивированное. Не всё произвольно. Звукоподражание похоже на звук; «кукушка» кукует. Сложное слово мотивировано частями: «подоконник» — под окном. Иероглиф в древности был иконой: знак «вода» рисовал волны. Мотивированность стирается временем: египетский знак стал знаком звука, «медведь» перестал быть «ведающим мёд», о чём Потебня.

Отчего произвольность выгодна. Мотивированный знак связан с одной вещью; произвольный свободен и может значить любое понятие, в том числе отвлечённое: для «справедливости» нет картинки. Язык стал мыслью, когда знаки перестали быть похожими.

Для читающего: не искать в звуке значения — его там нет; искать в системе. Учение, что звук «р» груб, а «л» нежен, есть поэзия, а не семиотика, хотя поэзия ею пользуется.

Правило: *знак не похож на вещь и не обязан быть похож; сходство, где оно есть, есть след рождения знака, а не его значение.*

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Система и различие

✸

Знак значит не тем, что он есть, а тем, чем он не есть другие знаки; и оттого один знак не значит ничего, а два уже значат.

Светофор. Красный значит «стой» лишь потому, что есть зелёный; один красный фонарь, горящий всегда, не значил бы ничего. Система из двух даёт два значения; из трёх — три; и значение всякого есть его место среди прочих.

Звук. «Кот» и «код» различаются одним звуком, и различие это значимо; «кот», сказанный низким или высоким голосом, не различается по значению, хотя звучит иначе. Язык выбирает, какие различия значат; это и есть фонема — различие, несущее смысл.

Слово. «Тёплый» значит своё лишь рядом с «горячим» и «холодным»; в языке, где «тёплого» нет, «горячий» значит шире. Значение слова есть его граница с соседями.

Одежда, еда, жест — те же системы: пиджак значит на фоне возможной куртки; хлеб на столе — на фоне его отсутствия. Барт читал моду как язык именно так.

Для читающего: знак читают, спросив, что было бы на его месте: какие иные знаки возможны здесь и чем этот от них отличается. Выбор из возможного и есть значение; о выборе как сообщении — книга о тайнописи.

Правило: *чтобы прочесть знак, назови, чего он не есть*; значение живёт в различии, и знак без соседей нем.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Код

✸

Кодом зовётся правило соответствия между знаками и значениями, известное обеим сторонам; без кода знак есть шум.

Виды. *Азбука* — буква к звуку. *Морзе* — точки к буквам. *Дорожный* — фигуры к правилам. *Одежды* — покрой к случаю: траур, праздник, служба. *Приличий* — поступок к отношению: кто первый протягивает руку. Всё это коды, и всякий надлежит знать, чтобы читать.

Шифр есть код, известный не всем нарочно; о нём книга о тайнописи. Различие кода и шифра не в устройстве, а в том, кому дан ключ.

Код общий и частный. Язык знают все говорящие; жаргон — свои; семейный код — семья: «как тогда» значит нечто для двоих. Чем уже круг, тем короче знаки и тем больше их значение. О коде своего круга как знаке принадлежности — книга о толпе.

Код и его перемена. Коды меняются: слово, значившее одно, значит иное; жест, бывший учтивым, стал дерзким. Читающий старое по новому коду ошибается; об этом глава тридцать первая.

Без кода. Знак, чей код читающему неизвестен, читается как икона или индекс — по сходству или по причине, — и оттого ошибочно: дорожный знак чужой страны, обряд чужой веры. Глава двадцать шестая.

Правило: *прежде чтения спроси, знаешь ли код*; и если не знаешь — не читай, а спроси знающего.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Значение и смысл

✸

Знак значит по коду и значит здесь и сейчас; различие между двумя значениями установил Фреге в 1892 году, и оно решает споры.

Утренняя и вечерняя звезда. Оба имени указывают на одну вещь — Венеру; но «утренняя звезда есть вечерняя звезда» есть открытие, а «утренняя звезда есть утренняя звезда» — пустота. Стало быть, имена различаются не вещью, а *способом её данности*: Фреге назвал первое значением, второе смыслом.

Денотат и коннотат. Иное деление того же: «пёс» и «собака» указывают на одно животное — общий денотат — и несут разное отношение — разные коннотаты. Слово «дом» и слово «жилплощадь» указывают на одно, а говорят о разном.

Смысл в обстановке. «Здесь холодно» значит по коду температуру; здесь и сейчас — просьбу закрыть окно. О смысле, рождённом обстановкой, — следующая глава.

Спор о словах. Двое соглашаются о вещи и спорят, ибо держат за словом разные смыслы; спор снимается вопросом «что ты называешь этим словом». Об определении как первом общем месте — книга о риторике.

Для читающего: различать, о чём знак говорит и как он говорит; и помнить, что «как» часто важнее: выбор между «пёс» и «собака» есть сообщение о говорящем.

Правило: *прочитав, о чём знак, прочти, как он об этом; второе есть знак о говорящем*.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Контекст

✸

Знак читают в окружении, и окружение решает больше кода: «замок» есть здание или запор по соседним словам, и никакой словарь этого не решит.

Словесное окружение. Слово значит по соседям: «ключ» у двери и «ключ» в лесу. Фраза значит по абзацу, абзац по книге. Вырванное из окружения слово можно заставить значить что угодно; на этом стоят цитата не к месту и половина споров.

Обстановка. «Огонь!» на стрельбище и в театре. Красный на светофоре, на флаге, на щеках, на лампе кабинета. Знак меняется с местом, не меняясь.

Кто и кому. Одно слово от друга и от начальника; от врача и от прохожего. Знак несёт говорящего, и говорящий есть часть знака.

Указательные слова — «я», «здесь», «сейчас», «этот» — не значат ничего без обстановки: они лишь указывают, и указание читается на месте. Записка «вернусь через час» на двери значит по тому, когда повешена.

Для читающего: прежде чем толковать знак, восстановить окружение: что до и после, где, кто, кому, когда. Знак без окружения не читается, а домысливается. Об этом — книга о герменевтике, где круг чтения — часть по целому, целое по частям — разобран как ремесло.

Правило: *знак значит на месте; снятый с места, он значит то, что вложит снявший*.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Шесть работ сообщения

✸

Якобсон разобрал всякое сообщение по шести частям и нашёл, что всякая часть даёт сообщению свою работу; знак, прочитанный по одной работе, прочитан на шестую часть.

Шесть частей: отправитель, получатель, сообщение, предмет, код, канал. **Шесть работ,** по части, на которую обращено сообщение.

О предмете — сообщение говорит о вещах: «дождь идёт». Это работа, которую считают единственной.

Об отправителе — выражает его: «ах!», «мне холодно». О себе, а не о мире.

К получателю — побуждает: «закрой окно», «слушай». Приказ, просьба, зов.

О канале — проверяет связь: «алло», «ты слушаешь?», «угу». Разговор о погоде есть работа канала: сообщения нет, связь есть.

О коде — говорит о языке: «что значит это слово?», «я имел в виду…». Словарь целиком есть эта работа.

О сообщении — обращено на себя: ритм, рифма, созвучие; поэзия. «Я вас любил» значит и то, что значит, и то, как звучит.

Для читающего: спросить, на что обращено сообщение; половина недоразумений происходит от чтения зова как сведения о мире, а разговора о погоде — как сообщения о погоде. О шести работах в речи — книга о риторике; в голосе — книга о голосе.

Правило: *прежде чем спорить с тем, что сказано, спроси, зачем сказано*.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

✶

ВИДЫ

Слово и письмо, цифра и изображение,
вещь и жест, знак на улице,
марка, печать, герб и знамя

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Слово

✸

Слово есть знак по преимуществу, как сказал Августин: всякий знак можно назвать словом, а слово — ничем иным; и устройство его есть образец для прочих.

Двойное членение. Мартине заметил: слово состоит из звуков, не значащих ничего, и само значит; из тридцати незначащих звуков составляются тысячи значащих слов, из слов — бесконечность фраз. Экономия эта есть то, чего нет ни в одной иной системе знаков: у дорожных знаков нет азбуки.

Произвольность — глава одиннадцатая: слово свободно от вещи и оттого может значить отвлечённое.

Система — глава двенадцатая: слово значит границей с соседями; словарь, дающий слово поодиночке, даёт лишь половину.

Внутренняя форма Потебни: след рождения слова, живой в одних — «подоконник» — и стёртый в других — «окно». По внутренней форме читают историю, а не значение; кто читает по ней значение, тот занимается народной этимологией.

Слово и имя. Имя есть слово, указывающее на одно; о его силе и устройстве — книга об имени.

Слово и его работы — глава шестнадцатая: одно слово может быть сведением, зовом, проверкой связи или стихом.

Правило: *слово читают в системе, в окружении и по работе*; словарь даёт систему, место — окружение, а работу узнают, спросив, зачем сказано.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Письмо

✸

Письмо есть знак знака: буква стоит вместо звука, который стоит вместо понятия; и история письма есть история того, как знак вещи стал знаком звука.

Рисунок. Пиктограмма — икона вещи: волны значат воду, бык — быка. Годится для вещей, негодна для «завтра» и «справедливости».

Идеограмма. Рисунок, значащий понятие по уговору: волны — и воду, и «влажное», и «река». Китайское письмо доныне отчасти таково.

Ребус. Решающий шаг: рисунок берётся за звук, а не за вещь. Египетский знак «дом» читается как звук «пр» и служит для записи всего, где этот звук. Иероглиф стал письмом, когда перестал быть картинкой; об этом — вся история дешифровки Шампольона, читавшего картуши как звуки.

Слог и буква. Финикийцы оставили одни согласные, греки добавили гласные — и вышла азбука: три десятка знаков для всего. Экономия из предыдущей главы, перенесённая на бумагу.

Письмо как индекс. Почерк есть след руки: о том, что в нём читается, а что нет, — книга о наблюдении.

Письмо и шифр. Всякое письмо есть код, и код, не известный читающему, есть тайнопись; о ней отдельная книга.

Правило: *письмо читают, зная, что оно кодирует — вещь, понятие, слог или звук*; иероглиф, прочитанный как картинка, есть ошибка двух тысяч лет.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Цифра

✸

Цифра есть знак числа, и её устройство — позиционное, с нолём — есть одно из величайших изобретений знака.

Черта и узел. Зарубки на кости, узлы на верёвке — иконы количества: пять черт значат пять. Годятся до десятка, негодны для тысячи.

Буквы как цифры. Греки, евреи, славяне записывали числа буквами: «а» — один, «в» — два. Экономно и неудобно для счёта; и на этом стоит гематрия — чтение слова как числа, — о которой книга о числе.

Позиция. Индийцы поняли, что знак может значить по месту: «2» в «23» значит двадцать, в «32» — два. Для пустого места понадобился знак пустоты — ноль; арабы принесли его в Европу, и «цифра» по-арабски значит именно «пустое».

Отчего это важно. Позиционная запись есть система, где значение знака целиком определено местом, — чистейший пример главы двенадцатой; и счёт в столбик возможен лишь в ней.

Цифра и мера. Цифра записывает число; число становится мерой при единице и погрешности, о чём книга о мере. Цифра без них есть знак без вещи.

Цифра и символика. Семь, три, тринадцать несут значения помимо количества; о том, где кончается счёт и начинается знак, — книга о числе.

Правило: *цифра есть знак знака: она значит число, число значит меру или символ, и прочесть её значит знать, что из двух*.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Изображение

✸

Изображение кажется знаком без кода — оно похоже; и именно потому оно есть самый коварный из знаков: код в нём есть, но его не видно.

Икона — глава десятая: портрет читается сходством. Но сходство условно: перспектива, тень, рамка, отбор — всё это код, выученный с детства и не замечаемый. Флоренский показал, что обратная перспектива иконы есть не неумение, а иной код: важное крупнее, святое ближе.

Фотография — индекс: свет от вещи оставил след; оттого ей верят как свидетелю. Но кадр отобран, момент выбран, угол взят, и подделка индекса — глава двадцать восьмая — ныне дёшева.

Барт разобрал рекламное изображение по слоям: буквальное — что нарисовано; символическое — что это значит по коду культуры: помидор и перец на итальянском флаге цветов значат «Италия»; и подпись, которая закрепляет одно из чтений. Изображение без подписи многозначно; подпись есть якорь.

Чтение картины по слоям — предмет книги о символе; здесь довольно того, что и картина, и икона, и плакат читаются по коду, и код надлежит знать.

Для читающего: спросить, что отобрано и что осталось за краем; спросить, какой код культуры делает изображение значащим; и прочесть подпись как часть знака, а не как пояснение к нему.

Правило: *похожее тоже читается по коду; и код невидимого есть самый сильный.*

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Вещь и жест

✸

Вещь становится знаком, когда её выбирают из возможных; жест — когда его видят; и то и другое читается по системе, а не по словарю.

Одежда. Пиджак значит на фоне куртки, чёрное — на фоне цветного, новое — на фоне ношеного. Барт читал моду как язык с грамматикой: что с чем сочетается, что чему противостоит. Дресс-код есть код в точном смысле: соответствие одежды случаю, известное обеим сторонам.

Еда. Хлеб-соль, чай, вино, пост — вещи, значащие по обычаю; о них книга о ритуале и книга о даре: дар есть вещь, ставшая знаком отношения.

Дом и вещи в нём — знаки достатка, вкуса, круга; и признаки — следы жизни; о различии знака и признака — книга о наблюдении: знак ставят, признак оставляют.

Жест — отдельная книга; здесь напомним деление: эмблема есть символ по уговору — кивок; иллюстратор есть икона — показать размер; адаптер есть индекс — след напряжения. Читаются трояко, и словарь жестов путает все три.

Вещь как индекс. Стоптанный башмак, потёртое кресло — следы, а не сообщения; их подделывают, зная, что по ним читают, о чём книга об обмане.

Правило: *вещь читают, спросив, выбрана ли она или оставлена*; выбранная есть знак о хозяине, оставленная — след его жизни, и подделывают первую охотнее второй.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Знак на улице

✸

Улица есть самая читаемая из систем знаков, и знаки её устроены так, чтобы читаться без слов, за секунду и всяким.

Дорожный знак. Форма кодирует род: треугольник — предупреждение, круг — запрет или предписание, прямоугольник — сведение. Цвет — степень: красный, синий, белый. Рисунок — предмет: икона оленя, ребёнка, поворота. Три кода в одном знаке, и все выучены до автоматизма; о таком чтении — книга об автоматах.

Пиктограмма. Отто Нейрат в двадцатые годы придумал изотайп — язык фигурок для статистики, понятный без грамоты; из него — человечки на дверях и знаки в аэропортах. Икона, доведённая до кода: фигурка в юбке значит «женщинам» не сходством, а уговором.

Вывеска. Сапог над лавкой — икона ремесла; ныне — имя и марка, о чём следующая глава.

Разметка, свет, звук — система, читаемая телом: полоса, зелёный, сирена.

Чужая улица читается ошибочно: знак, похожий на свой, значит иное; и глава тридцать первая о том.

Для ставящего знак: одна форма — один род; один рисунок — одна вещь; видно издали; согласно с прочими знаками системы. Знак, требующий чтения, на улице не знак.

Правило: *уличный знак есть образец знака: ясный код, малое число различий, чтение за секунду*; всякую иную систему знаков стоит мерить по нему.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Марка

✸

Марка есть знак, стоящий вместо обещания: имя и рисунок, за которыми — «будет как в прошлый раз»; и вся торговля ныне есть торговля марками.

Устройство. Клеймо мастера на изделии было индексом — следом руки; марка на товаре есть символ — уговор о качестве, и держится она повторением: купивший однажды хорошее ждёт того же. Знак накопил доверие, о чём книга об игре в главе о репутации.

Три стороны марки по главе девятой: знак — имя и рисунок; понятие — ожидание; вещь — товар. Обман марки есть разрыв между второй и третьей: знак предъявлен, вещь иная. О подделке — глава двадцать восьмая.

Марка без вещи. Товар, у которого нет ничего, кроме марки: вода в бутылке с именем; и цена платится за знак. Об этом глава тридцатая.

Имя и марка. Марка есть имя товара, и всё сказанное об имени в отдельной книге относится к ней: назвать значит выделить, и выделенное продаётся.

Марка человека. Имя мастера, врача, писателя есть марка — и оттого его берегут и подделывают.

Для читающего: спросить, что за маркой: вещь, которую можно проверить, или лишь повторение имени. Марка, о которой говорят более, чем о товаре, есть знак без вещи.

Правило: *марка есть обещание, и цена её есть цена нарушения*; кто проверяет вещь, тому марка нужна меньше.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

Печать, герб, знамя

✸

Знаки власти и принадлежности устроены как марка, но обещают не качество, а право; и подделка их есть подделка права.

Печать — знак того, что документ исходит от того, кто держит печать. Первоначально — индекс: оттиск перстня, который есть только у одного; ныне — символ, и подлинность его проверяется по реестру, а не по оттиску. Подпись — та же печать, оставленная рукой, и о почерке как следе — книга о наблюдении.

Герб — знак рода или города, читаемый по коду геральдики: цвета, деления, фигуры. Код этот строг и стар; о чтении герба — книга о символе.

Знамя — знак войска и страны; потеря его есть потеря чести, ибо знак здесь стал вещью, о чём глава двадцать девятая.

Погоны, форма, кольцо — знаки положения; читаются по коду и обманывают самозванца ради: о чине без места — книга об обмане.

Обряд есть система знаков в действии: где стоять, что говорить, когда кланяться; о нём книга о ритуале.

Для читающего: знак власти проверяют не по знаку, а по реестру — печать по книге, чин по ведомству; ибо знак копируется, а реестр — нет.

Правило: *знак права стоит столько, сколько стоит проверка права; и обманщик рассчитывает на то, что проверять не станут.*

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

✶

ПРОТИВНИК

Карта и территория, знак без кода, многозначность,
подмена, знак, ставший вещью, пустой знак,
чужой код и чтение чрезмерное

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Карта и территория

✸

Карта не есть территория, сказал Коржибски; и всё же люди воюют за слова, платят за имена и боятся знаков, как вещей.

Пунктирная линия треугольника из главы девятой: между знаком и вещью связи нет; связь идёт через понятие. Кто забывает пунктир, тот верит, что, переменив знак, переменил вещь: переименованная очередь короче не стала.

Где живёт. Спор о названии при согласии о деле. Страх перед словом: болезнь, названная вслух, кажется ближе. Переименование как реформа. Требование к карте, чтобы она была как территория, — карта в масштабе один к одному бесполезна, как заметил Борхес.

Обратная ошибка — думать, что знак ничего не меняет: имя даёт вещи место в системе, и названное существует для говорящих иначе, чем неназванное; о власти имени — книга об имени. Карта не территория, но с картой территорию проходят иначе.

Мера. Знак есть орудие: он делает вещь мыслимой и сообщаемой, не делая её иной. Кто путает орудие с вещью — ошибается в одну сторону; кто считает орудие ничем — в другую.

Для читающего: при всяком споре спросить, о знаке он или о вещи; при всякой перемене знака — что переменилось в вещи; при всяком страхе перед словом — чего боишься: слова или того, что за ним.

Правило: *знак меняет мысль о вещи, не вещь; и это не мало, но и не всё.*

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Знак без кода

✸

Знак, чей код читающему неизвестен, не молчит — он читается неверно: по сходству, по причине или по своему коду; и это хуже молчания.

Чужой знак. Дорожный знак чужой страны; жест чужого народа; обряд чужой веры; вывеска на незнакомом письме. Читающий не знает кода и читает как икону: «похоже на…» — и ошибается. О чужом коде — глава тридцать первая.

Знаток и мирянин. Врач читает снимок, юрист — договор, механик — звук мотора; мирянин видит пятна, буквы, шум. Знак есть, кода нет, и мирянин либо верит знатоку, либо читает по своему коду — и пугается пятна.

Шум. Сообщение без кода есть шум; но и шум читают, если ждут сообщения: голоса в шуме ветра, лица в облаках. Об этом глава тридцать вторая.

Знак, потерявший код. Древнее письмо до дешифровки; узор на ковре, смысл которого забыт; обычай, соблюдаемый без понимания. Знаки живут дольше кодов, и позднее им придумывают новые коды — иероглифы читали как тайны до Шампольона.

Что помогает. Признать незнание кода; спросить знающего; не читать по сходству; и, если кода нет ни у кого, — искать его в системе, как Шампольон: по повторам, по различиям, по тому, что знак значит рядом с чем.

Правило: *знак без кода не читай; спроси, у кого код*; чтение без кода есть сочинение.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Многозначность

✸

Один знак — несколько значений; и различить их можно лишь по окружению, а где окружения нет, там многозначность служит обману.

Омоним. «Ключ», «коса», «лук»: одно слово, разные понятия. В речи окружение снимает двусмысленность; на бумаге — не всегда; в договоре — нарочно не всегда.

Каламбур есть игра на многозначности; хорош в стихе и дурен в законе. Об уловке подмены значения посреди рассуждения — книга об ошибках рассуждения: одно слово в двух посылках в двух смыслах даёт ложный вывод.

Договор. «В разумный срок», «надлежащее качество», «при необходимости» — слова, чьё значение решит сильнейший. Честный договор определяет свои слова; нечестный оставляет им многозначность.

Пророчество. «Перейдя реку, ты разрушишь великое царство» — Крёз разрушил своё. Оракул, гороскоп, гадание живут многозначностью: сбывается любое чтение. Об этом книга о случае в главе о гадании.

Изображение многозначно без подписи — глава двадцатая; и подпись, закрепляющая одно из чтений, есть орудие.

Что помогает. Спросить: сколько чтений допускает знак и какое из них закреплено окружением; если ни одно — спросить ставящего, что он имел в виду, и записать ответ.

Правило: *многозначный знак читают по окружению; где окружения нет, там значение назначит тот, кому выгодно.*

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Подмена знака

✸

Знак копируется, вещь — нет; и всякий обман знаком есть предъявление копии вместо того, за что она стоит.

Подделка символа. Печать, подпись, марка, чин, диплом — знаки по уговору, и уговор не защищает от копии; защищает реестр, о чём глава двадцать четвёртая, и о проверке по независимому источнику — книга об обмане.

Подделка индекса. Фотография, запись голоса, след — знаки по причине, и им верили как свидетелям; ныне причину подделывают: лицо и голос сочиняются машиной, след ставится нарочно. Индекс перестал быть свидетелем, и это перемена века: доверие к снимку кончилось.

Подделка иконы — подделка картины, копия под старину; о ней книга о наблюдении: Морелли ловил копииста по ушам и пальцам, которые тот писал как привык.

Подделка контекста. Верный знак в ложном окружении: подлинная цитата не к месту, подлинный снимок с ложной подписью. Знак не подделан — подделано место, и это дешевле всего.

Что помогает. Проверять символ по реестру; индекс — по независимому индексу: другой снимок, другой свидетель; икону — по мелочам; контекст — по источнику: где это было первоначально и с чем.

Правило: *знак доказывает не больше, чем стоит его подделка*; и цена подделки ныне падает быстрее, чем растёт недоверие.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Знак, ставший вещью

✸

Знак, которому стали служить как вещи, есть фетиш; и устройство это старо, как знамя, и ново, как деньги на экране.

Деньги. Монета была вещью — металлом; бумага стала знаком металла; запись на счёте — знаком бумаги. Знак знака знака; и он работает, покуда все верят, что за ним вещь, — а вещи давно нет, есть уговор. Деньги суть чистейший символ, ставший вещью для всех. О том, откуда они, — книга о даре.

Знамя. Кусок ткани, за который умирают; знак войска стал войском. Об этом и обо всяком знаке, вокруг которого собирается толпа, — книга о толпе.

Идол. Изображение божества, ставшее божеством; иконоборцы спорили о том, чтится ли знак или вещь, и спор не кончен.

Марка. Имя, за которое платят, не глядя на товар, — глава двадцать третья.

Слово-фетиш: «свобода», «наука», «традиция» — знаки, произносимые вместо разбора; о лозунге — следующая глава.

Мера. Знак, ставший вещью, не есть непременно зло: деньги нужны, и знамя держит войско. Зло начинается там, где знаку служат против вещи: копят знаки, теряя то, за что они стоят.

Правило: *всякий раз, когда знак стал дороже вещи, спроси, есть ли ещё вещь*; ответ бывает неприятен и оттого полезен.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

Пустой знак

✸

Пустым зовётся знак, за которым нет вещи и нет понятия — только сам знак; и он не молчит, а звучит громче полных.

Лозунг. Слово, повторяемое без определения: за ним понятие у каждого своё, вещи — никакой; и все согласны, ибо не о чем спорить. Об этом книга о риторике: положение, которое нельзя сказать одной фразой, не положение.

Престиж. Вещь, ценимая за то, что её ценят: марка, о которой говорят более, чем о товаре; место, известное известностью. Знак указывает на себя.

Учёное слово без содержания: «энергия», «система», «квантовое» в устах того, кто не мерил и не считал. О словах науки без её устройства — книги о психотронике и об обмане.

Пустой обряд: обычай, соблюдаемый без понимания и без действия; о различии — книга о ритуале.

Бодрийяр назвал знаки, отсылающие лишь к знакам, симулякрами и объявил, что ими стало всё; преувеличение, но полезное как вопрос: есть ли за этим что-нибудь, кроме этого?

Как узнать. Попросить определение — и не получить. Попросить пример вещи — и получить другой знак. Заметить, что знак произносят с силой, обратной его содержанию.

Правило: *всякий знак спроси о вещи; знак, отвечающий знаком, пуст* — и пустота его есть место, куда всякий вкладывает своё, отчего он и любим.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Чужой код

✸

Знак читается по коду читающего, если иного он не знает; и оттого чужое читается своим кодом — и всегда неверно.

Цвет. Белый есть цвет траура в одних странах и свадьбы в других; красный — праздник, опасность, революция, удача. Тот же знак, разные коды; и читающий по своему видит вызов там, где приветствие.

Жест — книга о жесте: кивок, кольцо из пальцев, поднятый палец значат противоположное у соседей.

Слово. Одно слово в двух языках-соседях значит разное; ложные друзья переводчика суть коды, притворившиеся одним.

Время. Старое читается по новому коду: знак, бывший невинным, стал оскорбительным, и читающий старую книгу по новому коду судит автора за то, чего тот не говорил. Обратное тоже: старый знак, взятый новым временем, принят за древнюю тайну.

Круг. Жаргон, семейный код, код ремесла: внешний читает буквально то, что внутри значит иное, и обижается или смеётся не там.

Что помогает. Признать, что код чужой; спросить своего; не судить по первому чтению; и при переводе — переводить код, а не знак: «белое» в чужом тексте иногда надлежит перевести «чёрным». Об этом — книга о герменевтике, где чтение чужого времени разобрано как ремесло.

Правило: *прежде чтения чужого спроси, чей код; своим кодом читают своё.*

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

Чрезмерное чтение

✸

Ум, созданный читать знаки, читает их и там, где их нет; и болезнь эта имеет степени — от игры до бреда.

Устройство. Всё может быть знаком, если есть код и читающий; и читающий, имеющий код, находит знаки всюду: даты, числа, совпадения, буквы на равных промежутках. Об этом — книга о случае в главе о стрелке из Техаса: мишень, нарисованная после выстрела.

Эко в «Маятнике Фуко» показал, как трое издателей сочиняют «план тамплиеров» из чего попало — и как сочинённое начинает читаться всеми как найденное. Он же назвал это чрезмерной интерпретацией и дал правило: текст ограничивает чтение; чтение, которому текст не может возразить, не есть чтение.

Признаки. Всё связано со всем. Отсутствие знака есть тоже знак — «скрывают». Всякое возражение подтверждает — «так и должно быть». Код известен только читающему. Об этом устройстве — книга об ошибках рассуждения и книга о наблюдении в главе о своём желании.

Что помогает. Спросить, что опровергло бы это чтение; сосчитать попытки; проверить, читает ли так кто-либо ещё, знающий код; и помнить, что удовольствие от найденной связи есть чувство, а не свойство связи.

Правило: *чтение, которому знак не может возразить, есть сочинение*; и удовольствие от него тем больше, чем оно дальше от знака.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

✶

ГРАНИЦА

Чего наука о знаке не может, какие учения о ней мнимы,
как знак относится к правде,
как упражняться и какими правилами держаться

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Чего наука о знаке не может

✸

Соберём пределы, ибо наука, читающая всё, соблазняет думать, что всё прочитано.

Она не говорит об истине. Знак может значить и лгать; семиотика знает, что он значит, и не знает, верно ли. О правде — глава тридцать пятая.

Она не заменяет знания предмета. Прочесть договор как систему знаков не значит знать право; прочесть снимок — не значит знать медицину. Знак читается кодом, а код даёт ремесло.

Она не предсказывает. Что знак значит — да; что сделает прочитавший — нет.

Она не даёт единственного чтения. Знак многозначен, обстановка меняется, толкование рождает толкование; наука даёт правила чтения, а не ответ.

Она не отличает знака от шума без кода: где кода нет, там неизвестно, есть ли сообщение.

И она не говорит о должном: из того, что знак значит, не следует, как поступить.

Кто знает эти пределы, тот читает знаки по коду и в обстановке, а о правде, деле и поступке спрашивает у иных наук.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

Мнимые учения

✸

Вокруг знака выросли учения, обещающие тайное значение или власть через знак; все они повторяют немногие ошибки.

«Истинное значение». Поиск того, что знак значит «на самом деле» помимо кода и обстановки; о происхождении слова как его значении — народная этимология из главы семнадцатой. Знак значит по коду, и кодов несколько.

«Всё есть текст» в крайнем виде: если всё знак, то ничто не вещь, и пунктирная линия стёрта с обратной стороны. Полезно как вопрос, разрушительно как ответ.

«Тайные знаки повсюду». Чрезмерное чтение из главы тридцать второй, ставшее учением: заговор в гербах, послание в датах, код в письме. Проверяется вопросом, что опровергло бы чтение.

«Знак действует сам». Двадцать пятый кадр, «якоря», слова-заклинания; о том, что из этого подтвердилось, — книга о внушении, и подтвердилось немногое: знак действует через чтение, а не помимо.

«Значение звука». Поэзия пользуется звуком, и наука о том есть; но учение, что «р» значит силу, а «л» — нежность во всех языках, есть поэзия, выданная за семиотику.

Общая примета мнимого учения: оно даёт знаку значение помимо кода, системы и обстановки — то есть читает знак, как читали бы вещь. Настоящее ремесло спрашивает: по какому коду, среди каких знаков, при каких обстоятельствах.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

Знак и правда

✸

Эко определил семиотику как науку обо всём, чем можно лгать; определение дерзко и точно: знак есть единственное, что может значить не то, что есть.

Отчего. Вещь есть то, что она есть; знак стоит вместо другого — и может стоять вместо того, чего нет. Способность лгать есть оборотная сторона способности значить; убрать первую нельзя, не убрав второй.

Три лжи по видам знака: ложная икона — портрет не того; ложный индекс — след, поставленный нарочно; ложный символ — слово о том, чего нет. Три проверки — по сходству, по причине, по реестру.

Мост к обману. Книга об обмане разбирает, как знаками строят постройку, ведущую к ложному выводу; книга о тайнописи — как знаки скрывают; книга об ошибках рассуждения — как ложь строится из верных знаков. Все три стоят на одном: знак может лгать, и читающий обязан проверять вещь.

Честность ставящего знак: знак, за которым есть вещь; понятие, которое можно определить; код, известный читающему; и место, где знак значит то, что должен.

> Знак может лгать потому, что может значить;
> и проверяют его не знаком,
> а вещью.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Упражнения

✸

Знаки читают всюду, и упражняться можно, не выходя из дома; но лучше выйти.

Треугольник. Взять любую вывеску и назвать три стороны: знак, понятие, вещь; спросить, есть ли вещь. Десять вывесок в день.

Три вида. На улице найти икону, индекс и символ; в одном знаке — все три.

Различие. Взять знак и назвать, чего он не есть: какие иные знаки возможны на его месте и чем этот отличается.

Код. Составить свой код — для семьи, для записной книжки — и заметить, как быстро он становится тайнописью для чужих.

Шесть работ. Прослушать разговор и отметить, на что обращено каждое высказывание: на предмет, на говорящего, на слушающего, на связь, на код, на себя.

Чужой код. Найти знак, который читал бы по своему коду, и спросить знающего, что он значит.

Пустой знак. Взять слово из речи, лозунга, рекламы и попросить у себя определение и пример вещи; отметить, где не получилось.

Чтение. Эко «Отсутствующая структура» и «Маятник Фуко»; Барт «Мифологии»; Лотман «Беседы о русской культуре».

Правило упражнений то же, что всюду: ежедневно, помалу, с записью; об удержании — книга о воле.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Гигиена читающего знаки

✸

Соберём ежедневные правила для того, кто читает знаки, — а это всякий, открывший глаза.

Спроси, чем знак связан с вещью: сходством, причиной или уговором.

Спроси, знаешь ли код; не знаешь — не читай, спроси.

Назови, чего знак не есть: значение в различии.

Восстанови окружение прежде толкования.

Спроси, зачем сказано, прежде чем спорить с тем, что сказано.

Спроси о вещи; знак, отвечающий знаком, пуст.

Проверь символ по реестру, индекс — другим индексом, икону — мелочами, место — источником.

Чужое — чужим кодом; старое — старым.

Спроси, что опровергло бы чтение; нет ответа — это сочинение.

Помни пунктир: знак не вещь, и перемена знака не перемена вещи.

Помни, что знак может лгать, и оттого верь вещи.

Правила эти просты, и это их достоинство: знаком обманывают того, кто читает быстро, а скучный вопрос о коде читается медленно.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Правила ставящего знак

✸

Соберём правила для того, кто ставит знак — вывеску, имя, марку, дорожный знак, символ дела, — чтобы он читался так, как задуман.

Знай код читающего и ставь знак по нему, а не по своему.

Одна форма — один род; один рисунок — одна вещь.

Отличай от соседей: знак, похожий на другой знак системы, прочтут как другой.

Ставь на место: знак значит в окружении, и окружение готовится.

Закрепи чтение подписью, если знак многозначен; иначе чтение назначит читающий.

Пусть за знаком будет вещь, иначе он пуст и первый же вопрос это обнаружит.

Не заимствуй чужого кода: символ чужой веры или чужого народа прочтут те, кому он свой.

Проверь на незнающем: дай прочесть тому, кто не знает замысла, и слушай, что он прочёл.

Помни, что знак переживёт код: его прочтут через сто лет иначе, и это не в твоей власти.

И помни, что ставящий знак отвечает за то, что по нему прочтут, а не за то, что имел в виду; о чтении своего замысла как единственного — книга о герменевтике.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Правила читающего знак

✸

И правила для того, кто читает, — то есть для всякого, ибо знаки читают все, а знают, что читают, немногие.

Назови три стороны: знак, понятие, вещь; и спроси, есть ли третья.

Назови вид: сходство, причина, уговор; и проверь соответственно.

Назови код и спроси, чей он и знаешь ли ты его.

Назови систему: что могло стоять на этом месте.

Назови окружение: что до, что после, где, кто, кому, когда.

Назови работу: о предмете, о говорящем, к слушающему, о связи, о коде, о себе.

Различи, о чём и как: второе есть знак о говорящем.

Не читай без кода и не читай чужого своим.

Проверь, может ли знак возразить твоему чтению; не может — ты сочинил.

Проверь вещь, ибо знак может лгать.

И помни, что всякое чтение есть новый знак, который прочтут дальше; читающий ставит знаки, и правила ставящего относятся к нему тоже.

ГЛАВА СОРОКОВАЯ

Заключение: знак и мера

✷

Сведём книгу к тому немногому, что стоит держать в памяти без справок.

Знак есть *нечто, стоящее вместо другого для кого-то*; у него три стороны — знак, понятие, вещь, — и между первой и третьей связи нет: карта не территория. Связан он с вещью сходством, причиной или уговором, и по этому читается и подделывается: сходству верят глазом, причине — знанием, уговору — кодом.

Знак условен, но не произволен; значит в системе — тем, чем он не есть другие; и значит по коду, в окружении, по работе сообщения. Слово, письмо, цифра, изображение, вещь, жест, уличный знак, марка, печать и знамя суть виды одного устройства, и всякий читается тремя вопросами: по какому коду, среди каких знаков, при каких обстоятельствах.

Противники читающего — смешение знака с вещью, чтение без кода, многозначность, подмена, фетиш, пустой знак, чужой код и чтение чрезмерное — побеждаются одним: спросить о вещи и спросить, что опровергло бы чтение. Знак может лгать потому, что может значить, и проверяют его вещью.

И последнее. *Знак меняет мысль о вещи, не вещь; и это не мало, но и не всё.* Кто помнит пунктирную линию, тот читает знаки как орудие — и не служит им как вещам. На этом стоит и знак, и мера.

✷

ЗНАК

Знак, значение и код

Изложение в сорока главах

O.V.K — X.T.R

Набрано и свёрстано
для настольного издания
формата 148 × 210 мм